

Проблема возраста настенных изображений Игнatieвской пещеры и археологический контекст красочных пигментов верхнепалеолитических памятников горно-лесной зоны Южного Урала

Аннотация. Статья посвящена обсуждению относительного возраста настенных изображений Игнatieвской пещеры в свете археологического контекста красочных минеральных пигментов в слоях пещерных памятников верхнего палеолита Южного Урала. Особенности стиля рисунков, выполненных красным цветом, породили дискуссию о голоценовом времени их создания. Результаты прямых радиоуглеродных датировок изображений черного цвета, выполненных древесным углем, предоставили новые аргументы в пользу постплейстоценового возраста изобразительного ансамбля памятника. В то же время результаты комплексного археологического исследования Игнatieвской пещеры, в том числе результаты радиоуглеродного датирования, демонстрируют прямые доказательства осуществления художественной деятельности на памятнике в конце верхнепалеолитической эпохи. Однако до сих пор не проводилось сравнения археологического контекста характера и условий встречаемости красочных минеральных пигментов в культурном слое верхнепалеолитических памятников региона. Сопоставление археологического контекста распределения красной охры в культурном слое Игнatieвской пещеры с распределением красочных минеральных пигментов на других памятниках Южного Урала позволяет говорить о вероятном позднепалеолитическом возрасте красных рисунков. Сходство археологического контекста красочных пигментов в позднеплейстоценовых культурных слоях рядом с настенными изображениями в Каповой и Игнatieвской пещерах, как и отсутствие свидетельств использования охры в голоценовых слоях, в том числе с палеоантропологическими останками, на обоих памятниках, существенно укрепляет мнение о верхнепалеолитическом возрасте, по крайней мере, части рисунков красного цвета Игнatieвской пещеры.

Ключевые слова: Игнatieвская пещера, Капова пещера, Южный Урал, верхний палеолит, охра, красочные минеральные пигменты, археологический контекст, радиоуглеродное датирование, палеолитическое искусство, писаницы.

Abstract. The article is focused on the discussion concerning the relative age of the wall paintings found in the Ignatievskaya Cave in view of the archaeological context of the colour mineral pigments found in the cultural layers of Southern Ural cave sites dating to the Upper Palaeolithic. The features of the paintings' style, created with red colour, gave rise to the consideration of their creation during the Holocene period. The results of direct radiocarbon dating from drawings in black colour, made with charcoal, presented new arguments in favour of a post-Pleistocene dating for the site's whole pictorial cycle. At the same time, the results of a comprehensive archaeological study of the Ignatievskaya Cave, including the results of radiocarbon dating, revealed direct evidence of the existence of artistic activity in the site at the end of the Upper Palaeolithic. However, up to today scholars have not undertaken a comparison of the archaeological context of the nature and conditions of occurrence of colour mineral pigments in the cultural layer of Upper Palaeolithic sites in this region.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00277.

The comparison of the archaeological context of the distribution of red ochre in the cultural layer of the Ignatievskaya Cave with the distribution of coloured mineral pigments in other sites of the Southern Ural allows to consider the possible Late Palaeolithic of the red drawings. The similarities in the archaeological context of the colour pigments in Late Pleistocene cultural layer near the wall paintings in the Kapova and Ignatievskaya Caves, as well as the absence of evidence for the use of ochre in the Holocene layer, including locus with paleoanthropological remains, on the site of both sites significantly strengthens the conclusion that at least part of the Ignatievskaya Cave red-colour paintings date to the Upper Palaeolithic.

Key words: *Ignatievskaya Cave, Kapova Cave, the Southern Ural, Upper Paleolithic, ochre, colour mineral pigments, archaeological context, radiocarbon dating, Paleolithic art, pisanitsa.*

Игнatieвская пещера расположена в Катав-Ивановском районе Челябинской области, на правом берегу р. Сим, в 8 км от д. Серпиевка.

Вход в пещеру – арочной формы (высота – 12 м, ширина – 12 м), находится на высоте 12 м над уровнем (в межень) р. Сим, в горе Ямазы-Таш. Склон (40–50°) от реки к пещере до 2005 г. представлял собой «обнажение известняка, частично перекрытое рыхлыми отложениями, – результат выноса из пещеры» [1, 14]. Однако во время крайне мощного весеннего паводка 2005 г. рыхлые отложения были практически полностью смыты.

Общая длина ходов Игнatieвской пещеры составляет 545 м. Пещера коридорного типа, относится к этажным карстовым полостям, являясь системой галерей и залов на двух гипсометрических уровнях, разработанных «по тектоническим трещинам на северо-запад и восток», «последнее направление представлено короткими соединительными ходами между параллельными галереями, образующими замкнутые “кольцовки”. В дальней части пещеры – круто уходящий вверх широкий лаз, разработанный по межпластовой трещине. Характер отложения говорит о близости этого участка к поверхности. В остальной части пещера горизонтальная» [2, 43].

Впервые в научной литературе Игнatieвская пещера была описана в 1786 г. академиком П. С. Палласом, который посетил оба яруса, составил их описание, а также обнаружил антропологические останки [3].

В 1886 г. академик Ф. Н. Чернышев дает краткую характеристику пещеры и ее окрестностей. Чрезвычайно важной частью повествования является рассказ о происхождении названия пещеры. «Гора носит у русских название Игнatieвская по имени келейника (*устар.* человек, живущий в келье, в скиту [4]. – В. Ж.), жившего в пещере, тут находящейся. Келейник Игнатий, умерший лет 40 тому назад, считался среди окрестных кре-

стьян, особенно раскольников, за святого, и до сих пор память о нем благоговейно чтится всем населением. Игнatieвская пещера одна из самых обширных в Южном Урале и представляет целую сеть галерей и мелких камер. Две такие маленькие пещеры, в которые возможно добраться лишь ползком, служили жилищем Игнатию, и в одной из них он похоронен» [5, 14].

Информацию об Игнatieвской пещере в связи с почитанием отшельника Игнатия передает и П. П. Семенов-Тянь-Шанский: «В девятую пятницу после Пасхи (день празднования чудотворной иконы Божией Матери «Табынская». – В. Ж.) в пещеру стекается масса народа из соседних заводов, сел и деревень» [6, 474].

Первое комплексное изучение Игнatieвской пещеры, включавшее и археологические исследования, провел в 1913 г. С. И. Руденко [7]. С целью изучения рыхлых отложений во Входном гроте была заложена траншея (1,5 на 7,1 м), где в двух слоях были обнаружены культурные остатки, среди которых преобладали фрагменты керамики, датируемые эпохами от бронзы до Средневековья. Изделий из камня найдено не было. На поверхности Низкого коридора и прилегающих участках был собран значительный вещевой и антропологический материал. Фрагменты глиняных сосудов, железный наконечник стрелы и поделка из кости датируются временем не ранее эпохи бронзы. Примечательно, что никаких упоминаний о красочных пигментах нет.

План пещеры, тщательно снятый в 1913 г., практически тождественен плану, снятым спелеологами и сотрудниками экспедиции В. Т. Петрина, «за небольшим исключением: Низкий ход, ведущий в дальний зал, показан у С. И. Руденко слепым, а боковой ход смыкается с Правым гротом» [1, 5].

В 1938 г. осмотр Игнatieвской пещеры произвел С. Н. Бибиков, но сообщений о производстве каких-либо археологических работ нет [8].

В 1951 г. разведочные работы во Входном гроте Игнatieвской пещеры провела М. А. Бадер

на площади трех шурфов (по 1 кв. м каждый) [9]. Часть костей из фаунистической коллекции, по мнению О. Н. Бадера, «оказалась расколотой», поэтому, несмотря на отсутствие каменного инвентаря в плейстоценовых слоях, исследование пещеры было решено продолжить [9, 66–67].

В 1960–1961 гг. во Входном гроте Игнatieвской пещеры возобновились исследования под руководством О. Н. Бадера [9]. Всего было изучено 57 кв. м: в 1960 г. у северной стены Входного грота площадь раскопа составила 39 кв. м, а в 1961 – 18 кв. м. В результате работ, кроме материалов голоценового времени, было обнаружено пять изделий из камня [9, 70]. Найдены и антропологические останки: «...фрагмент человеческого черепа (затылочная кость с прилегающими частями теменных), а в другое время еще и обломки локтевой кости человека, лучевой кости, еще один обломок локтевой и фаланга. Кости человека залегали на глубине от 0,30 см до 0,80 см. По мнению Э. А. Вангенгейм, они явно голоценовые (две кости найдены на глубине не свыше 30 см), но более глубокие находки могут указывать на более ранний, плейстоценовый возраст. Г. Ф. Дебеч, ознакомившийся с остатками черепа в 1962 г., определил его принадлежность к виду *Homo sapiens* и, отметив его массивность и ярко выраженный рельеф, считал, что эти черты свойственны в большей мере верхнепалеолитическим, чем более поздним черепам. Вопрос о возрасте черепа остается открытым» [9, 69]. И снова никаких упоминаний о красочных пигментах.

В 1980 г. археологической экспедицией под руководством В. Т. Петрина в Игнatieвской пещере была зафиксирована настенная живопись, а сами работы продолжались с 1980 по 1986 гг. [1]. Исследования проводились в нескольких направлениях: раскопки и сбор подъемного материала, изучение настенных изображений и отдельно интерьера пещеры. Важной составляющей работ стало привлечение представителей естественнонаучных специальностей для проведения комплексного анализа полученных в ходе работ материалов, в т. ч. минеральных красочных пигментов [10].

Всего известно более 50 настенных изображений, расположенных в Большом и Дальнем залах. Рисунки выполнены красным минеральным и черным (древесным углем) пигментами. Репертуар изобразительного ансамбля представлен красочными нечитаемыми пятнами; разнообразными, в основном геометрическими,

знаками: зооморфными (преобладают фигуры мамонтов (?) и лошадей) и антропоморфными изображениями [подробнее: 1; 11]. Стиль большинства красных изображений серьезно отличается от привычного «верхнепалеолитического реализма». Наиболее близки к нему изображения лошадей Черного панно в Дальнем зале.

В результате археологических работ на площади пяти раскопов были обнаружены культурные остатки, датированные разными эпохами. И только в раскопах I–III (Большой зал) был зафиксирован «культурный слой посещений» со значительным числом «комочков охры, угольков, артефактов и сколов со стен», остеологических материалов [1, 96]. Техничко-морфологический анализ каменного инвентаря «показал, что он относится к верхнему палеолиту» [1, 104]. По древесным углям из культурного слоя были получены следующие даты: 14240±150 л. н. (СОАН-2209); 13335±193 л. н. (ИЭМЭЖ-365); 10400±465 л. н. (СОАН-2468) [12]. Палеобиологические материалы согласуются с радиоуглеродными данными, удостоверяя верхнепалеолитический возраст горизонта посещения около настенных изображений [1; 13]. Стратиграфическое подтверждение позднеплейстоценового возраста культурных остатков заключается прежде всего в характере литологического слоя – красной пещерной глины, в которой обнаружены следы деятельности человека, – а также в наличии прослойки белого мондмилля, отделяющей вышележащий литологический слой от культурного слоя [1].

В IV и V раскопах (соответственно, Низкий переход и Входной грот) обнаружены «разновременные культурные остатки» [1, 97].

Антропологические останки были обнаружены в первом горизонте IV раскопа (Низкий переход). Череп человека «лежал на боку, теменная и лицевая части очень разрушены, зубы сохранились лишь частично, нижняя челюсть отсутствует» [1, 97]. Кроме того, антропологические материалы были зафиксированы и на поверхности пола пещеры: «...кости человека были сосредоточены в Низком переходе и на примыкающих к нему участках Входного грота и Основного коридора» [1, 104]. И снова никаких следов красочных пигментов в этом отделе пещеры обнаружено не было.

На основе результатов полевых исследований В. Т. Петрин условно разделил пещеру на три зоны: а) святилище (Большой и Дальний зал); б) «переходная зона» (Низкий переход, Ос-

новой коридор) и в) внешняя зона (Входной грот и Входной коридор)» [1, 86]. Также был сделан вывод о синхронности культурных остатков, сколов со стен и настенных изображений, которые были датированы эпохой верхнего палеолита [1, 140–143; 14; 15].

Таким образом, красочные пигменты при исследовании рыхлых отложений Игнatieвской пещеры зафиксированы только в верхнепалеолитическом слое зоны святилища – Большом зале, на стенах которого расположено большинство изображений красного цвета.

В 1998 г. В. Н. Широковым совместно с коллегами из США были отобраны образцы с рисунков черного и красного цветов, в т. ч. «Черного мамонта» из Дальнего зала. Полученные после обработки проб в Техасском университете A&M (TAMU), в Ливерморской национальной лаборатории (CAMS) результаты показали голоценовый возраст изображений черного цвета: 7370±50 л. н. (CAMS-56586, cal. – 6390-6080); 7920±60 л. н. (CAMS-56271, cal. – 7040-6640); 6030±100 л. н. (CAMS-67688, cal. – 5300-4650) [16; 17]. Загрязнение образцов, по мнению авторов лабораторных исследований, исключается, пигмент рисунка красного цвета содержит слишком мало углерода и непригоден для датирования [12].

В связи с полученными датами встает закономерный вопрос о возрасте комплекса настенных изображений пещеры, выполненных красными минеральными пигментами, прямое датирование которых на сегодняшний день невозможно. Имеющиеся в специальной литературе оценки и мнения основываются по большей части на анализе особенностей стиля и репертуара изображений [16; 18; 19; 20].

С 2009 г. полевые археологические исследования в Игнatieвской пещере на основании открытого листа проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ. Важной составляющей работ является изучение красочных пигментов изобразительного комплекса памятника. До окончания полного аналитического исследования минерального состава красок настенных рисунков рассмотрение вопроса о возможном возрасте изображений следует начать с археологического контекста красочных пигментов в культурных слоях пещерных памятников верхнепалеолитического периода Южного Урала. Основная цель этого обзора состоит в необходимости прояснения ситуации с использованием охры на разных типах памятников

– от святилищ до кратковременных охотничьих стоянок.

На Южном Урале сегодня известно более 40 пещерных стоянок верхнего палеолита [21]. И только в единичных случаях в их культурных слоях зафиксировано наличие красочных минеральных пигментов.

Сикияз-Тамакский пещерный комплекс находится в Саткинском районе Челябинской области, на правом берегу р. Ай. В пещере Сикияз-Тамак I в культурных слоях позднеплейстоценового времени привходового грота зафиксированы отдельные крупинки пигмента, лишь в одном случае образующие подобие скопления [22; 23]. В зале № 8 крупинка желтого пигмента была обнаружена в культурном слое (11690±70 л. н. (GrA-18661)) рядом с местом расположения черепов пещерного медведя, один из которых был частично окрашен красной охрой [24; 25]. Вопрос о времени гибели животных и синхронности образования культурного слоя с этим событием до получения прямых радиоуглеродных дат по черепам остается открытым. Тем более что по плечевой кости пещерного медведя из глинистого завала, закупорившего первоначальный вход в зал, была получена дата: < 38.000/37.980 – 38.100/ (ГИН-10835). Характер культурных остатков свидетельствует о хозяйственно-бытовом направлении использования этого отдела пещеры в верхнем палеолите. Судя по месту расположения черепов, они, обладая символическим характером, являлись, по всей видимости, маркирующими объектами выхода в зал из коридора. По сути, аналогами особого типа монументальных изображений – маркирующих знаков (знаков-меток) на стенах пещер.

В пещере Сикияз-Тамак X на уровне кровли верхнепалеолитического горизонта посещения был обнаружен вывалившийся из стены фрагмент известняка, покрытый с одной стороны красной охрой. Никаких следов охры в культурном горизонте зафиксировано не было. Результаты аналитических исследований подтвердили данный вывод и показали существенное отличие пигмента от железистых натечков, имеющих на стенах ряда пещер и скал Сикияз-Тамакского комплекса. Стратиграфическое положение исключает постпалеолитическое происхождение и попадание в слой этой находки. По всей видимости, данный фрагмент известняка сохранил часть изображения, нанесенного на южную стену нижнего зала пещеры, освещаемую солнечным светом [26].

Пещера Заповедная расположена в Бело-рецовском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Лемеза. В культурных слоях памятника, представляющего собой, по мнению В. Г. Котова, святилище (связанное в т. ч. с медвежьим культом), в разных отделах пещеры обнаружены: скопление кусочков охры и единичный экземпляр красочного пигмента [27]. «Радиоуглеродные даты <...> укладываются в промежуток от 10 до 12,4 тыс. лет» назад [27, 23].

Максютовский грот расположен в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белая (памятник рассматривается как кратковременный охотничий лагерь). В верхнепалеолитическом культурном слое мощностью до 1,2 метра обнаружены древесные угли, расколотые кости крупных плейстоценовых животных, каменные изделия и кусочки охры [28; 29]. На левой стороне стены грота зафиксирован фрагмент изображения ромба темно-бордового цвета, возраст которого неочевиден [29].

Пещера Кульюрт-Тамак I находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белой, в 1 км ниже по течению от Каповой пещеры [30]. В результате исследований 1965 г. в шурфе был зафиксирован культурный слой мощностью 3–5 см, в котором найдены отщепы, фрагменты костей, а также кострище (диаметром 1,5 м) и пятна охры [31; 32]. В ходе последующих работ минеральные пигменты, по всей видимости, больше не фиксировались. Культурный слой датируется временем 14920±660 л. н. (ЛЕ-4350), 15870±390 л. н. (ЛЕ-3350) [33].

Капова пещера расположена в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белой. В результате продолжающихся с 1960 г. археологических исследований выявлено несколько пунктов распространения культурных остатков верхнепалеолитического возраста, в которых красочные пигменты (куски, комки, крупинки, мазки, палитры, кладки, запасы сырья и т. д.) составляют весомую часть [3; 14; 15; 28; 31; 34]. По древесному углю и кости из верхнепалеолитических слоев в разных отделах пещеры получена серия дат от 13900 до 16710 л. н. [35]. Следует особенно отметить, что в культурных слоях голоценового времени никаких следов охры нет, в том числе и в погребальном контексте [15].

Таким образом, число верхнепалеолитических памятников, где обнаружены свидетельства использования охры, составляют лишь 15% от общего количества пещерных стоянок региона (даже с учетом пропущенных памятников, по

которым у автора нет данных, процент стоянок с красочными пигментами в культурном слое оказывается крайне низким). В большинстве случаев красочные пигменты встречаются в незначительном количестве. И только в культурных слоях пещерных памятников с настенными рисунками охры представлена очень широко – она приурочена, как правило, именно к пунктам распространения монументальных изображений. Такая ситуация наблюдается только в Каповой и Игнatieвской пещерах.

С одной стороны, подобная ситуация может быть связана с небольшой площадью исследований пещерных памятников Южного Урала [8; 26]. С другой стороны, подавляющее большинство известных пещерных стоянок бедны инвентарем и относятся к кратковременным охотничьим стоянкам, на которых, по всей видимости, не происходила какая-либо активная хозяйственно-бытовая или ритуальная деятельность, связанная с использованием красочных пигментов.

Следует отметить, что с находками охры связаны не только верхнепалеолитические, но и голоценовые культурные остатки в некоторых пещерах. Например, охры в контексте погребений, относящихся к эпохе голоцена, обнаружены в пещерах Бурановская (результаты анализа пигментов из погребения в Бурановской пещере и Бурановской I писаницы позволяют говорить о непосредственной связи писаницы и погребения [26]), Усть-Катавская II и др. [3; 8]. Кроме того, наличие красочного пигмента зафиксировано в культурном слое («6443–5213 лет до н. э. или 6900±600 (RGI-58)») Мурадымовской 2 пещеры с настенными изображениями голоценового времени [36, 226]. Необходимо особенно подчеркнуть, что в культурных слоях голоценового времени южно-уральских пещерных памятников охры в том количестве, в котором она представлена в культурном слое Большого зала Игнatieвской пещеры, не встречается.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что, по имеющимся на сегодняшний день данным, на Южном Урале только в пещерах с верхнепалеолитическими настенными изображениями культурные слои насыщены красочными пигментами. Следовательно, археологический контекст рисунков Игнatieвской пещеры, выполненных красной охрой, должен свидетельствовать об их верхнепалеолитическом возрасте. Между тем результаты стилистического анализа, по мнению ряда исследова-

телей, входят в противоречие с этим тезисом, чему особенно способствует результат радиоуглеродного анализа. В связи с этим необходимо отметить следующее.

Во-первых, обсуждаемые образцы были сделаны в период бурного развития метода акселераторной масс-спектрометрии (AMS), и полученные результаты могут быть следствием особенностей методики конкретных лабораторий.

Во-вторых, несмотря на то, что визуально действительно складывается ощущение «голоценовой стилистики» большинства настенных изображений, лишь серия естественнонаучных результатов комплексных анализов позволит ответить на вопрос о возрасте рисунков Игнatieвской пещеры.

В-третьих, сходство археологического контекста красочных пигментов в позднеплейстоценовых культурных слоях рядом с настенными изображениями в Каповой и Игнatieвской пещерах, как и отсутствие свидетельств испол-

зования охр в голоценовых слоях, в том числе с палеоантропологическими останками, на обоих памятниках, позволяет склоняться к мысли о верхнепалеолитическом возрасте, по крайней мере, части рисунков Игнatieвской пещеры.

В-четвертых, даже после получения убедительных свидетельств любого (голоценового или позднеплейстоценового) возраста ансамбля изображений вопрос о стиле останется открытым. И его обсуждение – от «забегания вперед» (при позднеплейстоценовом возрасте рисунков «голоценового стиля» / «стиля писаниц») до аналогий со «слоноподобными» фигурами Центральной Азии голоценового времени [37] – будет связано с изучением процессов продолжения и развития традиций монументального искусства верхнего палеолита в голоценовую эпоху и проблемы носителей этих традиций в регионе [38; 39].

Библиография:

1. Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 204 с.
2. Лобанов Ю. Е., Щепетов В. О., Илюхин В. В., Максимович Г. А., Костарев В. П. Пещеры Урала. М.: Физкультура и спорт, 1971. 144 с.
3. Житенев В. С. Антропологические материалы из южно-уральских памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Х. А. Амрханова. М.: Институт археологии РАН; Таус, 2011. С. 462–472.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Том I [Печ. по изд.: Толковый словарь русского языка. Том I. А – Кюрины / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. 1562 стб.]. М.: Астрель; АСТ, 2000. 848 с.
5. Чернышев Ф. Общая геологическая карта России. Лист 139 // Труды Геологического комитета. 1886. Т. 3. № 4. С. 137.
6. Россия: полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга. Т. 5 / Ред. В. П. Семенов-Тянь-Шанский. СПб.: А. Ф. Девриен, 1914. 669 с.
7. Руденко С. И. Лаклинская и Игнatieва пещеры Южного Урала // Труды Общества землеведения при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1914. Т. 3. С. 118–132.
8. Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. 13. С. 95–138.
9. Бадер О. Н. Следы палеолита в пещере Ямазы-Таш (Игнatieвской) на Южном Урале // Первобытная археология. Поиск и находки. Киев: Наукова думка, 1980. С. 63–70.
10. Пальчик Н. А. Рентгенографическое исследование образцов красок и пород из Игнatieвской пещеры // Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Приложение № 2. Новосибирск: Наука, 1992. С. 163–164.
11. Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: Ажур, 2013. 190 с.
12. Широков В. Н., Rowe M. V., Steelman K. L., Southon J. R. Игнatieвская пещера: первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 67–72.
13. Косинцев П. А. Остатки крупных млекопитающих из пещер в верховьях р. Сим // Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Приложение № 6. Новосибирск: Наука, 1992. С. 178–188.
14. Житенев В. С. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2012. Вып. 227. С. 304–313.
15. Житенев В. С. Капова пещера – многослойный памятник археологии: предварительное сообщение // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 155–178.
16. Широков В. Н. Проблема возраста настенных изображений Игнatieвской пещеры в связи с радиоуглеродными датировками красочного пигмента // Российская археология. 2006. № 2. С. 99–105.
17. Steelman K. L., Rowe M. W., Shirokov V. N., Southon J. R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. 2002. Vol. 76. P. 341–348.
18. Формозов А. А. О святилище в Игнatieвской пещере на Урале // Politron. К семидесятилетию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индик, 1998. С. 869–874.

19. Формозов А. А. О датировке росписей в Игнatieвской пещере на Урале // Российская археология. 2000. № 1. С. 215–217.
20. Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.
21. Нечушкин Р. И. Карта памятников палеолита Южного Урала. Дипломная работа студента кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. 292 с.
22. Юрин В. И. Отчет о работе спелеологического отряда на территории Челябинской области в 1995 г. Челябинск // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 19379.
23. Юрин В. И. Отчет о работе Челябинского и Саткинского спелеоархеологических отрядов на территории Южного Урала в 1996 г. Челябинск // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 20208.
24. Житенев В. С. Череп пещерного медведя (*Ursus spelaeus*) с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России (Материалы Всероссийского археологического съезда). Новосибирск: Институт археологии и этнологии СО РАН. Т. 1. 2006. С. 201–203.
25. Житенев В. С. Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследований // XVII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. 2007. С. 92–93.
26. Житенев В. С. Верхний палеолит Южного Урала: к семидесятилетию исследований С. Н. Бибикова // С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб: Институт истории материальной культуры РАН, 2009. С. 219–223.
27. Котов В. Г. Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале // Российская археология. 2012. № 2. С. 15–25.
28. Котов В. Г. Исторический Башкортостан в эпоху камня. Палеолит // История башкирского народа. М.: Наука, 2009. Т. 1. С. 23–53.
29. Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н. С. Савельев. Уфа: Информ-реклама, 2004. 184 с.
30. Нехорошев П. Е. Исследования палеолита на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1989. С. 129–131.
31. Бадер О. Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1965 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3121.
32. Нехорошев П. Е., Гирия Е. Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 12–35.
33. Нехорошев П. Е. Каменная индустрия пещерной стоянки Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 1997. С. 46–50.
34. Щелинский В. Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 1996. 30 с.
35. Житенев В. С., Пахун А. С., Маргарян А., Солдатова Т. Е. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // Российская археология. 2015. № 4. С. 5–15.
36. Котов В. Г., Резников Е. Д., Румянцев М. М., Гимранов Д. О. Комплексные исследования пещер природного парка «Мурадымовское ущелье» в 2009 г. // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». 27–29 октября 2009 г. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2010. С. 221–235.
37. Кубарев В. Д. Мамонты из Бага-Ойгура (К вопросу о хронологии древнейших рисунков Монгольского Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2001. С. 435–440.
38. Археология Республики Коми / Под ред. Э. А. Савельевой. М.: ДиК, 1997. 758 с.
39. Павлов П. Ю. Заселение человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 55–56.

References (transliterated):

1. Petrin V. T. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoi peshchere na Yuzhnom Urале. Novosibirsk: Nauka, 1992. 204 s.
2. Lobanov Yu. E., Shchepetov V. O., Ilyukhin V. V., Maksimovich G. A., Kostarev V. P. Peshchery Urала. М.: Fizkul'tura i sport, 1971. 144 s.
3. Zhitenev V. S. Antropologicheskie materialy iz yuzhno-ural'skikh pamyatnikov s nastennymi izobrazheniyami: k postanovke problemy // Paleolit i mezolit Vostochnoi Evropy. Sbornik statei v chest' 60-letiya Kh. A. Amirkhanova. М.: Institut arkheologii RAN; Taus, 2011. S. 462–472.
4. Tolkovy slovar' russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova. Tom I [Pech. po izd.: Tolkovy slovar' russkogo yazyka. Tom I. A – Kyuriny / Sost. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskii, D. N. Ushakov. М.: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ, 1935. 1562 stb.]. М.: Astrel'; AST, 2000. 848 s.
5. Chernyshev F. Obschaya geologicheskaya karta Rossii. List 139 // Trudy Geologicheskogo komiteta. 1886. T. 3. № 4. S. 137.
6. Rossiya: polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga. T. 5 / Red. V. P. Semenov-Tyan-Shanskii. SPb.: A. F. Devrien, 1914. 669 s.
7. Rudenko S. I. Lakiinskaya i Ignatieva peshchery Yuzhnogo Urала // Trudy Obschestva zemlevedeniya pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete. 1914. T. 3. S. 118–132.
8. Bibikov S. N. Neoliticheskie i eneoliticheskie ostatki kul'tury v peshcherakh Yuzhnogo Urала // Sovetskaya arkheologiya. 1950. T. 13. S. 95–138.

9. Bader O. N. Sledy paleolita v peshchere Yamazy-Tash (Ignatievskoi) na Yuzhnom Urale // Pervobytnaya arkheologiya. Poiski i nakhodki. Kiev: Naukova dumka, 1980. S. 63–70.
10. Pal'chik N. A. Rentgenograficheskoe issledovanie obraztsov krasoki porod iz Ignatievskoi peshchery // Petrin V. T. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoi peshchere na Yuzhnom Urale. Prilozhenie № 2. Novosibirsk: Nauka, 1992. S. 163–164.
11. Shirokov V. N., Petrin V. T. Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale. Ekaterinburg: Azhur, 2013. 190 s.
12. Shirokov V. N., Rowe M. V., Steelman K. L., Southon J. R. Ignatievskaya peshchera: pervye pryamyie radiouglerodnye datirovki nastennykh risunkov // Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh. Ekaterinburg: Akva-Press, 2003. S. 67–72.
13. Kosintsev P. A. Ostatki krupnykh mlekoopitayushchikh iz peshcher v verkhov'yakh r. Sim // Petrin V. T. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoi peshchere na Yuzhnom Urale. Prilozhenie № 6. Novosibirsk: Nauka, 1992. S. 178–188.
14. Zhitenev V. S. Novye issledovaniya svidetel'stv khudozhestvennoi deyatelnosti v Kapovoi peshchere // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN. 2012. Vyp. 227. S. 304–313.
15. Zhitenev V. S. Kapova peshchera – mnogoslainyi pamyatnik arkheologii: predvaritel'noe soobshchenie // Pervobytnye drevnosti Evrazii. K 60-letiyu Alekseye Nikolaevicha Sorokina. M.: Institut arkheologii RAN, 2012. S. 155–178.
16. Shirokov V. N. Problema vozrasta nastennykh izobrazhenii Ignatievskoi peshchery v svyazi s radiouglerodnymi datirovkami krasochного pigмента // Rossiiskaya arkheologiya. 2006. № 2. S. 99–105.
17. Steelman K. L., Rowe M. W., Shirokov V. N., Southon J. R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. 2002. Vol. 76. R. 341–348.
18. Formozov A. A. O svyatilishche v Ignatievskoi peshchere na Urale // Politron. K semidesyatiletiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova. M.: Indrik, 1998. S. 869–874.
19. Formozov A. A. O datirovke rospisei v Ignatievskoi peshchere na Urale // Rossiiskaya arkheologiya. 2000. № 1. S. 215–217.
20. Devlet E. G., Devlet M. A. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii. M.: Aleteia, 2005. 472 s.
21. Nechushkin R. I. Karta pamyatnikov paleolita Yuzhnogo Urala. Diplomnaya rabota studenta kafedry arkheologii istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova. M.: MGU imeni M. V. Lomonosova, 2012. 292 s.
22. Yurin V. I. Otchet o rabote speleologicheskogo otryada na territorii Chelyabinskoi oblasti v 1995 g. Chelyabinsk // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. F-1. R-1. № 19379.
23. Yurin V. I. Otchet o rabote Chelyabinskogo i Satkinskogo speleoarkheologicheskikh otryadov na territorii Yuzhnogo Urala v 1996 g. Chelyabinsk // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. F-1. R-1. № 20208.
24. Zhitenev V. S. Cherep peshchernogo medvedya (Ursus spelaeus) s narezkami i sledami okhry iz peshchery Sikiyaz-Tamak I (Yuzhnyi Ural) // Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Materialy Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda). Novosibirsk: Institut arkheologii i etnologii SO RAN. T. 1. 2006. S. 201–203.
25. Zhitenev V. S. Verkhniy paleolit basseina reki Ai (Yuzhnyi Ural): perspektivy issledovaniy // XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg; Surgut: Magellan. 2007. S. 92–93.
26. Zhitenev V. S. Verkhniy paleolit Yuzhnogo Urala: k semidesyatiletiyu issledovaniy S. N. Bibikova // S. N. Bibikov i pervobytnaya arkheologiya. SPb: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 2009. S. 219–223.
27. Kotov V. G. Paleoliticheskoe svyatilishche v peshchere Zapovednaya na Yuzhnom Urale // Rossiiskaya arkheologiya. 2012. № 2. S. 15–25.
28. Kotov V. G. Istoricheskii Bashkortostan v epokhu kamnya. Paleolit // Istoriya bashkirskogo naroda. M.: Nauka, 2009. T. 1. S. 23–53.
29. Svod arkheologicheskikh pamyatnikov Respubliki Bashkortostan, vyyavlennykh v 1987–2000 godakh / Avt.-sost. N. S. Savel'ev. Ufa: Iform-reklama, 2004. 184 s.
30. Nekhoroshev P. E. Issledovaniya paleolita na Yuzhnom Urale // Arkheologicheskie otkrytiya Urala i Povolzh'ya. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr UrO RAN, 1989. S. 129–131.
31. Bader O. N. Otchet o robotakh Ural'skoi paleoliticheskoi ekspeditsii v 1965 g. // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. F-1. R-1. № 3121.
32. Nekhoroshev P. E., Giryа E. Yu. Nekotorye itogi issledovaniy verkhnepaleoliticheskoi stoyanki v peshchere Kul'yurt-Tamak (Yuzhnyi Ural) // Ufimskii arkheologicheskii vestnik. 2004. Vyp. 5. S. 12–35.
33. Nekhoroshev P. E. Kamennaya industriya peshchernoі stoyanki Kul'yurt-Tamak (Yuzhnyi Ural) // Peshchernyi paleolit Urala. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, 1997. S. 46–50.
34. Shchelinskii V. E. Nekotorye itogi i zadachi issledovaniy peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi). Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, 1996. 30 s.
35. Zhitenev V. S., Pakhunov A. S., Margaryan A., Soldatova T. E. Radiouglerodnye daty verkhnepaleoliticheskikh sloev Kapovoi peshchery (Yuzhnyi Ural) // Rossiiskaya arkheologiya. 2015. № 4. S. 5–15.
36. Kotov V. G., Reznikov E. D., Rummyantsev M. M., Gimranov D. O. Kompleksnye issledovaniya peshcher prirodnogo parka «Muradymovskoe ushchel'e» v 2009 g. // Kul'turnoe nasledie Yuzhnogo Urala kak innovatsionnyi resurs: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prirodnoe i kul'turnoe nasledie Yuzhnogo Urala kak innovatsionnyi resurs». 27–29 oktyabrya 2009 g. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, 2010. S. 221–235.
37. Kubarev V. D. Mamonty iz Baga-Oigura (K voprosu o khronologii drevneishikh risunkov Mongol'skogo Altaya) // Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletii (Materialy XLI Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii. Barnaul, 25–30 marta 2001 g.). Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 2001. S. 435–440.
38. Arkheologiya Respubliki Komi / Pod red. E. A. Savel'evoi. M.: DiK, 1997. 758 s.
39. Pavlov P. Yu. Zaselenie chelovekom severo-vostoka Evropy v epokhu paleolita // XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Orenburg: Orenburgskaya guberniya, 2001. S. 55–56